

Евгений Шварц

Дракон над Москвой

сборник рассказов

16+

Евгений Шварц

**Дракон над Москвой.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Шварц Е. Л.

Дракон над Москвой. Сборник рассказов / Е. Л. Шварц —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

В сборник рассказов орловского тележурналиста Евгения Шварца вошли произведения разных лет. Разнообразна и их тематика. Военную прозу и биографические истории объединяет тема полета, жизни человека в воздухе – автор рассказывает о фронтовых летчиках и об их младших товарищах – аэроклубовцах послевоенных лет. Здесь же – пейзажные зарисовки и неторопливые, лиричные повествования о людях, проявляющих внимание ко всему живому. В оформлении обложки использована фотография автора мемориала гвардейцам-танкистам, расположенного под городом Мценск.

© Шварц Е. Л., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Каталина	5
Адонисы	10
Вьюга	14
Гроза	16
Запах сушеных грибов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Каталина

Стремительно, с неуловимой дрожью несли во фронтовом небе «Каталину» два огромных бешено вращающихся крестообразных винта, похожих на крылья ветряной мельницы, сорвавшейся со своего векового места. Но экипаж летающей лодки не воспринимал со всей остротой стремительности полета. Вокруг простирались море и небо, сливавшиеся по краям горизонта в одно целое и казалось, что боевая машина абсолютно неподвижно замерла в безграничной голубой сфере, словно комар в капле янтаря. Только бесстрастные, чуть вздрагивающие в такт работе тысячи сильных моторов, стрелки приборов показывали, что боевая машина неудержимо несется туда, где в любой момент из ласкающей, успокаивающей голубизны мог неожиданно вырваться беспощадный, всесокрушающий рой раскаленного металла. Там, затаясь на солнце, поджидали краснотелый самолет тонкие, как осы, «мессершмитты» и лобастые, словно навозные жуки, «фокке-вульфы», прикрывающие с воздуха остатки немецкого флота на Черном море.

* * *

Недалеко от румынского города и порта Констанца на глубине пятидесяти метров почти бесшумно двигалась подводная лодка под командованием обер-лейтенанта Хольтмана, отдыхавшего на узкой койке в крошечной каюте, расположенной рядом с центральным постом и отгороженной от него лишь брезентовой занавесью. Обер-лейтенант размышлял о превратностях службы: «Да, преподнесла судьба подарок, что называется – превратности службы! Здесь, на Черном

море, куда перевели с базы в Лорьяне, ни наград, ни славы не завоеешь. Нет тех огромных конвоев «союзников» с военными грузами. Славно было в штормовой Атлантике! Среди ночи подкрадываешься в составе «волчьей стаи» подводного флота рейха к большим конвоям, идущим из Америки в Великобританию. Даешь команду на всплытие субмарины посреди конвоя, иногда насчитывающего до полусотни большегрузных пароходов, и обязательно там, где корабли охранения никак не ожидают появления лодки. Остается лишь выбрать цель «пожирнее». В первую очередь танкер или глубоко сидящий от полной загрузки пароход. Вахту на мостике в этот напряженный момент всегда охватывает дрожь. Сквозь рев и завывание ветра, жалобные гудки пароходов, весело кричишь в переговорное устройство: «Старпом, экипаж к бою!» И остается лишь точнее направить прибор автоматического управления стрельбой торпеды-мина выбранную жертву. Нажать на пуск – и стальные убийцы уходят к жертве. Через десяток секунд тревожного ожидания – вспышка, гром взрыва! И жертва разламывается, и пароходу ходит вместе с людьми на его борту в ледяную бездонную темноту.

Хольтман прервал размышления и прислушался. Тихо жужжали электромоторы, вращая гребные винты, вполголоса переговаривались вахтенные в полумраке красного света, ничто не нарушало спокойствия, и обер-лейтенант вновь пустился в воспоминания о своем первом командире, наставнике. Смелый и отважный был офицер, немало на его счету потопленного тоннажа и, как следствие, наград, лично врученных командующим подводным флотом рейха адмиралом Деницем. Но, увы, несмотря на свой огромный опыт, и он, как и многие до и после него, не вернулся из боевого похода и покоится вместе со своим экипажем в стальной братской могиле на дне Атлантического океана. Хольтман непроизвольно поежился, представив себе эту картину: лежащую в кромешной, холодной темноте на глубине более пяти тысяч метров на дне океана покореженную глубинными бомбами субмарину с мертвым экипажем, выражение ужаса на их лицах

Передернув плечами, как бы отгоняя мысленно нарисованное ведение, обер-лейтенант приподнялся и отодвинул занавеску, отгораживающую каюту от центрального командного отсека. Посмотрел на дежурную смену, как бы убедившись, что в отличие от только что мыс-

ленно представленной картины в океанских глубинах, все на месте и живы. Снова задернул ее, лег и продолжил вспоминать.

Было чему поучиться, перенять у первого легендарного командира – например, прорыв к конвоям. Как грамотно уходить от преследования кораблей охранения и их глубинных бомб. Да и затем, когда прошел курсы командиров подводных лодок, много приобрел и в теории и в учебных плаваниях. Только вот по распределению после курсов неудачно попал в тридцатую черноморскую флотилию кригсмарине, состоящую всего из шести двухсотпятидесятитонных малых лодок прибрежного плавания, так называемых «каное».

Здесь, на базе в румынской Констанце, почти уже год, а кроме нескольких потопленных рыбацких баркасов, за которые железные кресты не дают, ничего стоящего, то есть больших кораблей, и не видел. Но, с другой стороны, здесь спокойно, флотилия за три года ни одной субмарины не потеряла! А из холодной Атлантики постоянно приходят тревожные радиogramмы о гибели подводных лодок, бывает, сразу по нескольку в день.

Хольтман вновь прислушался, но ничего не изменилось. В полумраке все также на одной высокой ноте пел гироскоп главного компаса, монотонно жужжали электродвигатели. Негромко переговаривались между собой вахтенные. Все было тихо, и можно было спокойно подумать, что делать дальше. Дело было в том, что на лодке заканчивалась солярка для дизелей, а возле базы шли ожесточенные бои. О пополнении там топливом и питьевой водой уже не могло быть и речи.

И обер-лейтенант лихорадочно прикидывал варианты. Их оставалось два: или затопить лодку возле турецкого берега и быть там интернированными, или попытаться остановить вражеский танкер, заправиться и попробовать проскользнуть через Босфор в Средиземное море, а там, может, в Атлантику, и благополучно вернуться на базу, к примеру, в Лорьян.

* * *

Всякий раз, когда входили в зону активных боевых действий, командир «Каталины», двадцатидвухлетний крепыш лейтенант Паничкин, с неприязнью замечал, что его на какое-то мгновение охватывает странный липкий холод.

Лейтенант болезненно переживал эти жутковатые секунды.

«Это не страх, – убеждал он себя, – просто внутреннее подсознательное сопротивление тому несправедливому, которое может случиться в любой момент». Отгоняя тревожные мысли, Паничкин нажал на штурвале кнопку переговорного устройства и задал традиционный вопрос: «Экипаж, как обстановка?»

Первыми поочередно откликнулись воздушные стрелки: «Все нормально, командир, в воздухе спокойно, фашистских самолетов не видно».

– До Констанцы тридцать минут полета, – четко проговорил штурман приятным баритоном, от которого по вечерам под звуки гитарных струн очень часто разбивались девичьи сердца.

– Столько дней напрасно утюжим воздух, – продолжил он – перед однополчанами стыдно. Они сейчас в самом пекле, штурмуют порт в Констанце, а мы практически в собственном тылу прохлаждаемся.

– Точно, командир, поговори в штабе, в следующие патрулирование пусть все же других пошлют, – подхватил второй пилот.

Паничкин ничего не ответил, только скосил взгляд на своего правого. На фоне остекления фонаря кабины рельефно вырисовывался профиль второго с уверенно лежащими на штурвале руками в черных кожаных перчатках. «Ребят понять можно. Ведь который уже день ищем немецкие подводные лодки и все без толку! Да и немцы не такие дураки, чтобы днем на поверхности загорать». И, продолжив мысль, с огорчением заключил: «Жалко, что американцы поставляют нам «Каталины» без радиолокатора. Если был бы он, то ночью, когда субмарины всплывают для зарядки аккумуляторов, были бы они у нас на экране, как на ладони!»

– Командир, что молчишь? – вновь раздался бархатистый голос штурмана. – Так пойдешь за стоящим заданием? – продолжил он.

Паничкин вновь ничего не ответил, а про себя подумал:

«Только в штабе ждут и мечтают, чтобы командиры самолетов сами подбирали себе задания».

– Стрелкам во все глаза смотреть за воздухом, ненароком «мессера» срежут, и будем сами тогда подводниками!

Лейтенант помолчал, а затем добавил:

– Остальному экипажу наблюдать за поверхностью моря.

Быть предельно внимательными! О любом буруне докладывать!

* * *

В тишине подводной лодки вдруг раздалось: «Командира в центральный пост! Акустик докладывает, слышен шум винтов большого корабля». Хольтман быстро встал, отодвинул занавеску и пробрался в центральный пост.

– Главмех, поднимай лодку на перископную глубину. Посмотрим, что за корабль, – отдал команду Хольтман.

Главный механик стал продувать цистерну деферента, матросы переложили рули глубины на всплытие, лодка подняла нос, и стрелка указателя глубины дрогнула, а затем стала показывать подъем. Хольтман подошел к выходящему из шахты перископу и проговорил:

– Старший помощник, готовь абордажную команду к захвату судна. Акустик, слышно шумы второй нашей субмарины?

– Так точно, господин обер-лейтенант, – ответил тот.

– Надеюсь, что они услышат, как мы продуваем балласт, и тоже всплывут, – продолжил Хольтман. – Ну что, господа, если повезет, то выскользнем из ловушки, какой становится это море, и вправду для нас Черное.

* * *

Паничкин почувствовал, как постепенно от неподвижности стало затекать все тело, особенно ноги. Он осторожно пошевелился, в ответ на движение кожу пронзили тысячи тонких невидимых игл, словно в знойный летний день на него напали рассерженные пчелы. И в этот самый неподходящий момент раздался голос второго пилота, говорившего почему-то шепотом:

– Командир, справа, тридцать градусов, наблюдаю перископ!

Быстро сориентировавшись, лейтенант увидел на воде пенистый след, и какой-то детский восторг охватил его.

«Неужели нашли, наконец-то! А вдруг это не субмарина?» – засомневался Паничкин. И радостное чувство уступило место тревоге. Но уже через некоторое время стало отчетливо видно, что на поверхности моря с двумя короткими белыми усами виднеется, словно обрубок столба, перископ, а сквозь воду темнеется узкое тело субмарины. Вдруг перископ исчез, пропали и пенистые следы. У лейтенанта от отчаяния все похолодело внутри, но через каких-то нескольких долгих секунд перископ вновь появился. А штурман, тем временем припав лицом к бобовому прицелу, стал подавать команды:

– Командир, пять градусов вправо! Еще два! Держать точнее курс!

Паничкин, затаив дыхание, ювелирными движениями педалей и штурвала удерживал самолет на боевом курсе. От волнения и напряжения на лбу у лейтенанта выступили капельки пота, скатывавшиеся по щекам. Со стороны можно было подумать, что Паничкин плачет, а может, это и были самые настоящие слезы, но не горя, а счастья, смешавшиеся с липким потом.

– Пилоты, приготовиться: выдерживать курс, высоту и скорость! Сейчас буду сбрасывать глубинные! – скороговоркой проговорил штурман.

– Вначале давай маркерную, чтобы отметить место лодки, а затем глубинные, – дал команду штурману Паничкин.

Самолет вздрогнул, и вниз пошла серия бомб. И хотя перископа уже не было видно в том месте, где он исчез, море вздыбливалось водяными холмами, словно в степи вырастали крутобокие курганы.

* * *

Хольтман развернул перископ на курс, который дал акустик, и увидел то, о чем мечтал одиночный корабль.

– Танкер! – радостно воскликнул командир, обращаясь к вахтенным в центральном отсеке.

– Сейчас осмотрю небо, и если все чисто, то всплываем и на дизелях в погоню, – добавил он, нажимая на пульте переключатель.

Главный перископ плавно ушел вниз, в шахту, а рядом, тускло поблескивая, выдвинулся зенитный. Подводник принял к мягкому резиновому козырьку окуляра и сразу же отпрянул от него.

– Боевая тревога! – закричал он. – Принять балласт в дифферентную, горизонтальные рули на погружение, вертикальный десять градусов влево!

– Дежурный, занести в журнал время и координаты нападения на нас американского гидросамолета.

Вахтенный офицер удивленно посмотрел на Хольтмана и спросил:

– Откуда здесь янки, герр командир?

– Что этот самолет – летающая лодка «Каталина», голову могу дать на отсечение. Они нас в Карибском море...

В этот момент что-то наподобие кувалды размером с паровоз ударило со всего мощного размаха по корпусу подлодки.

Ее швырнуло так, что все, кто находился в центральном отсеке, не устояли на ногах. Лампочки в плафонах под аккомпанемент глубинных бомб и вторя им взорвались новогодними хлопушками.

Субмарина, потерявшая управление, оседая на корму, стала проваливаться в темную глубину Черного моря.

Хольтман не растерялся и отдал команду:

– Включить аварийное освещение, главмех – продувка всех балластных цистерн, глубинные рули полностью на всплытие, экипажу бегом в носовую часть лодки, чтобы уравновесить кормовой дифферент. И будем молиться, чтобы не было повторной серии глубинных бомб...

* * *

Своим чередом шли военные будни. Боевые вылеты сменялись ожиданиями, но однажды эта монотонность для Паничкина была нарушена: его вызвал командир полка.

– Лейтенант, бери срочно мою машину и быстро двигай в штаб авиации флота, только оперативнее! – приказал подполковник и добавил: – Уже несколько раз оттуда справляются, выехал ты или нет.

И хотя, конечно, не следовало задавать вопрос по поводу поездки, Паничкин все же не удержался:

– Товарищ подполковник, зачем я там, да еще так срочно?

– Предполагаю, что связано все с подводной лодкой, которую ты бомбил. Все еще не получено никаких подтверждений, что вы ее уничтожили. Но если найдены обломки субмарины, то крути, Паничкин, дырку в кителе для награды, – подытожил подполковник.

При входе в штаб рядом с часовыми лейтенанта ожидал адъютант командующего авиацией Черноморского флота. Они оба быстрыми шагами прошли по коридору и сразу же, без промедления, вошли в кабинет. Генерал Ермаченков, выслушав доклад, вышел из-за стола, окинул невысокую коренастую фигуру Паничкина и, смотря ему в глаза, произнес довольным голосом:

– Недаром у нас говорят: мал золотник, да дорог! – Подойдя еще ближе, крепко пожал руку лейтенанту.

– Давай пристраивайся вот сюда, – и командующий показал на стул, стоящий возле стола, – и не волнуйся!

– Вводи, – обратился Василий Васильевич к своему адъютанту. Не торопясь зашел за стол и опустился точно на такой же стул, на каком сидел Паничкин.

Минут через пять вернулся адъютант с двумя худощавыми офицерами в форменных помятых фуражках с непривычным белым верхом и девушкой в форме с погонами капитана. Паничкин хотел вскочить и отдать честь, но необычность фуражек удержала его. Присмотревшись внимательнее, лейтенант понял: перед ним стояли немцы, но он все же встал, отдал честь девушке-капитану и остался стоять.

– Это два подводных аса, – с иронией сказал командующий, – с тех подводных лодок, что ты бомбил.

– Но там мы видели только один перископ, а здесь их двое, товарищ генерал, – неуверенно проговорил Паничкин.

– Лейтенант, оказывается, что невдалеке под водой находилась еще одна фашистская субмарина, которая также попала под твой удар! Обе получили серьезные повреждения и с трудом смогли всплыть.

Генерал, не скрывая удовольствия, попросил, обращаясь к девушке:

– Скажите, капитан, этим морским волкам, что перед ними русский летчик лейтенант Паничкин, который решил их судьбу.

Подводники, до этого не спускавшие глаз с генерала, разом перевели взгляд на лейтенанта и оценивая, как цыгане на лошадь на конной ярмарке, посмотрели на него. Один из офицеров, повернувшись к генералу, поспешно о чем-то заговорил, жестикулируя при этом руками. Девушка-капитан, улыбнувшись, посмотрела на Паничкина, и пояснила – немцы категорически утверждают: «Над нами был американский самолет, ошибка исключена. Но здесь находится русский летчик. Мистика какая-то!» Они не верят, что этот пилот, почти мальчишка по сути дела, вынудил сдаться в плен два отлично подготовленных, можно сказать, вышколенных экипажа германских подводников.

– Это их дело, верить или нет, – жестко ответил генерал. – Да, самолет получен по ленд-лизу из Штатов, – продолжил командующий, – но летчики летают на нем советские! А это что-нибудь да значит! Товарищ лейтенант, награждаю вас орденом Отечественной войны за успешные боевые действия, – и генерал, взяв со стола коробочку с орденом, достал его и прикрепил к гимнастерке Паничкина его первую награду.

Адонисы

Посвящается всем влюбленным.

Они по еле заметной тропинке вышли на вершину небольшого холма, когда уже вечерело. Солнце уже почти закатилось за подернутой багровой дымкой горизонт. Оставался еще некоторое время видимым лишь его исчезающий верхний край.

Луг, раскинувшийся внизу перед извилистой небольшой речкой, подернулся синеватой темнотой. А по ее спокойной на плесах воде тонкой пеленой курился белесый туман. Над всем этим в блекнущем голубом просторе на беспредельной высоте, подсвеченные последними солнечными лучами, плавно проплывали похожие на перья сказочной птицы розовые перистые облака.

Они пришли на это место послушать соловьиную песню, так как именно в этой округе обитали самые залиvistые и голосистые соловьи. И с вершины холма хорошо было слышно, как внизу, в зарослях ив, густо растущих по берегам речки, они наперебой заливались друг перед другом.

Еще почему Они стремились сюда: завтра на склоне холма должны были в первый раз распуститься спасенные Им необычайно красивые и довольно редкие цветы, и Он сгорал от нетерпения показать Ей это чудо природы.

Осмотревшись, Он присел на корточки и, взглядевшись, увидел несколько растений, а на них набухшие бутоны, готовые утром уже распуститься. Осторожно погладив их кончиками пальцев, как бы лаская их, Он проговорил про себя, обращаясь к цветам: «Все пока складывалось удачно, мои дорогие, и для вас, и меня! Да и предстоящий день, судя по закату, должен стать солнечным, теплым, благоприятным для того, чтобы цветы засияли своей яркой красотой».

Задумчиво смотря на исчезающие в наступающих сумерках кустики растений, Он вспомнил всю историю, связанную с этими чудесными цветами. Как он считал, потянувшую за собой сказочную цепочку чудесных изменений в его жизни.

* * *

Однажды, бродя в тихий неяркий день с удочкой по берегам небольшой речки Рыбницы, на склоне косогора, спускавшегося к воде, среди травы он заметил несколько кустиков, похожих на маленькие елочки с необычно красивыми, ярко-золотистыми лепестками соцветий.

Словно там, в разнотравье, сияли маленькие солнышки, настолько ярки были цветы.

Неожиданно его внимание привлекла женщина. У нее в большой сумке виднелась охапка уже поникших и завядших этих замечательных цветов. При виде умирающей красоты Он даже вздрогнул, словно по сердцу полоснуло чем-то острым. Он подошел к ней и спросил:

– Зачем вы уничтожаете это чудо?

Женщина быстро затолкала цветы глубже в сумку и закрыла ее, а затем ответила:

– А тебе, милоч, какое дело, рву я их или нет? – и, усмехнувшись, поджала тонкие губы. Его взвинтил пренебрежительный ответ, выразившийся в слове «милоч».

Он тряхнул головой и выпалил с каким-то раздражением:

– Во-первых, никакой я вам не милоч. А во-вторых, зачем губить такую красоту?

– Да ты не злись, милоч, – женщина, видя, как реагирует Он на это слово, вновь назло ему вернула это пренебрежительное в данной ситуации обращение: – Не я, милоч, так другие сорвут их. Ты лучше посмотри, что дачники делают! Почти весь склон перекопали под картошку. Скоро ни одно го цветка не останется. Вместо них одни колорадские жуки будут ползать.

Он как-то сразу и не обратил внимания, что склон на самом деле весь изрезан кривыми бороздами с растущей картошкой. Остался лишь небольшой островок цветущих растений среди камней, которые, видимо невозможно было перекопать.

А женщина продолжила:

– Я хоть напоследок, пока они полностью не исчезнут под лопатами, попользуюсь: целебное это растение, но ядовитое. С умом надо распорядится горицветом.

Так Он впервые услышал название этого чудесного по красоте цветка, и его поразило точное, как он потом узнал, народное наименование этого растения.

Ведь на самом деле можно было подумать, что цветки как бы горят, сияя в солнечных лучах. И чтобы они не погасли, Он принял решение, что каким-то образом надо их спасти от этого варварского уничтожения.

Не поленившись, Он наведалься в библиотеку; взял книги по целебным растениям. Прочитав, что это уникальный цветок занесен в Красную книгу как исчезающий вид, еще больше укрепился в желании спасти красивейший реликтовый цветок.

Узнал еще, что горицвет имеет еще одно название, с которым связана древняя и красивая, как сам цветок, легенда, повествовавшая о златокудрой богине Афродите и ее возлюбленном – красавце Адонисе, погибшем на охоте. И там, где на землю падали капельки его крови, вырастали золотистые цветы, названные Афродитой в честь своего любимого – адонисами.

Узнав все это, Он решил выкопать оставшиеся цветы и посадить их в потаенном месте, подальше от людских глаз.

Смущало его одно: горицветы плохо приживаются на новом месте. Но зато порадовало, что и живут они около ста лет, а при благоприятных условиях – до ста пятидесяти и даже больше.

Он прошлой осенью пересадил горицветы на свое потаенное и любимое место на речке, на склоне этого холма.

* * *

Он, встряхнув головой, очнулся от воспоминаний и сказал Ей:

– Ангел мой, побежали скорее вниз, а то скоро совсем стемнеет.

Она в знак согласия кивнула головой:

– Только давай, милый мой, разумеся, так хочется пробежаться босиком по росистой траве!

Они быстро сбросили кроссовки и устремились вниз под косогор. Запыхавшись, через несколько минут подбежали к берегу небольшой, быстрой, с множеством шумных перекатов, петляющей речушке.

– Ты знаешь, любимый, у меня было такое радостное ощущение, словно летела на крыльях, как в детских снах! Когда прыгаешь с обрыва и летишь, летишь, над землей, а затем просыпаешься такой счастливой! Такое приятное ощущение ногам от шелковистого прикосновения травы. Ты только посмотри, она вся усыпана капельками росы, как бриллиантиками! Как я счастлива, от всего этого, мой дорогой, ты не можешь себе представить!

Побродив под ивами, Он почти уже на ощупь набрал охапку сушняка и, соорудив костер, развел огонь.

Пламя колеблющимися бликами осветило склонившиеся ветви с неподвижными листьями, и под ними сразу стало уютно, словно Он с Ней очутились в таинственном шатре. Спустившись к речке, они, включив фонари, разыскали струившийся из-под обрыва родничок с водой хрустальной чистоты и необыкновенно чудесного вкуса.

Набрав чайник и поставив его на костер, они прилегли на расстеленный брезент.

– Мой любимый, давай искупаемся, ну пожалуйста!

– Нет, не стоит, ангел мой, вода, наверное, еще очень холодная, замерзнем, – ответил Он.

Она засмеялась:

– Что ты, дорогой, да мы скоро так согреемся... – и обняла его. – Интересно, какое название у реки, мой дорогой? – спросила Она.

– Любовша, – улыбнувшись, ответил Он.

– На самом деле такое имя у реки, или ты шутишь?

– Можешь посмотреть на карте, если, моя дорогая, думаешь, что смеюсь над тобой.

– Ой, тогда само название обязывает войти в воду. Это для нас будет, как священный обряд в стародавние времена. Что-то наподобие... – она на секунду задумалась, а затем продолжила: – Река с таким сакральным названием – Любовша – скрепит навек нашу с тобой любовь.

* * *

Они не торопясь сняли всю одежду и не спеша вошли в реку. Окунувшись, поплыли медленно, плавно работая руками перед собой.

На водяной поверхности, мерцая, отражались яркие звезды, вытянувшиеся в серебряную цепь на середине реки.

Она, оказавшись в этом великолепии, радостно, с восхищением громко пропела:

– Мы с тобой по Млечному пути плывем в наше счастливое будущее! Какое чарующее волшебство! – А затем умоляюще прошептала, чтобы Он не слышал: – Любовша, пожалуйста, сделай так, чтобы мы никогда не разлюбили друг друга! – Затем, подплыв к нему, прижалась и с нежностью поцеловала его.

Вернувшись к костру, поставили на костер чайник. А когда тот через некоторое время, закипев, призывно зафыркал, Он не спеша высыпал в бурлящий кипяток заварку настоящего, с лепестками жасмина китайского чая.

Его аромат смешался с влажным запахом реки, разнотравья луга, дополнив ни с чем не сравнимый букет запахов летнего майского вечера.

Они переглянулись, и Она, вздохнув, протяжно произнесла:

– Это счастье – вот так сидеть с тобой рядом! Наслаждаться таким прекрасным вечером.

Выпив чай, легли в большой спальник. Она прижалась к нему, а Он поцеловав ее и почувствовал на губах соленый прикус.

– Ангел мой, ты что плачешь?

– Да, но это от счастья! Мне очень хорошо! Обними меня крепко, крепко и, пожалуйста, никогда не отпускай!

Мелодично шумела, переливаясь на перекатах, река. Друг перед другом заливались трелями соловьи, тихо посапывала его любовь.

Он смотрел на небо, сквозь плавно покачивающиеся под дуновением легкого ветерка ветви ив виднелись звезды с одной очень яркой. «Это единственное, что олицетворяет вечность», – подумал он, погружаясь в сон.

* * *

Открыв глаза от ощущения холода и высунув голову из спальника, Он увидел, что уже рассвело и все вокруг белым-бело. Его удивил этот снег, выпавший в середине мая. Такого на памяти у него никогда не было. К тому же, снега выпало достаточно много – и всего за несколько часов. Сейчас было около шести, а заснул он, видимо, около часа ночи, когда появился на звездном небе яркий Юпитер.

Он с ужасом подумал, что все его старания по сохранению цветов были напрасны, Адонисы, наверное, погибли от этого внезапного холода или, по крайней мере, не зацветут, и Она не увидит их красоты.

Но солнце поднималось все выше и стало заметно припекать. Снег постепенно начал оседать и таять, из-под него стали появляться метелочки адонисов, на верхушках которых, к его радости, раскрылись бутоны. Он растормошил Ее:

– Вставай быстрее, посмотри на это чудо, дорогая!

Она наполовину вылезла из спальника и села в нем. И широко раскрытыми, удивленными глазами смотрела на склон холма: на нем, среди сверкающего белоснежья, то там то тут сияли золотом цветы любви.

Вьюга

Еще вечером, когда только начались сумерки, я мелком взглянул на термометр, висевший за окном. Его столбик за целый день с плюсовой отметки опустился уже до минус пяти градусов. Да и по ощущениям, когда вышел во двор подышать чистейшим воздухом, почувствовал, что мороз к ночи как бы постепенно набирал силу и стал смело пощипывать за щеки и не закрытые треухом уши.

Исходя из всего этого, мысленно прикинул: «К ночи еще раз стоит протопить печь, чтобы к утру она не остыла и продолжала согревать хату. Ну а раз решил переночевать в уютном тепле, значит надо немного поработать!» – и, продолжая размышлять, отправился к сараю.

Взяв из него колун с отполированным за долгие годы моими ладонями длинным топориком и сделанным мной в свое время из ясеня или, как у нас в деревне называют его, лима. Выбрал я это дерево потому, что оно, в отличие от березы или того же дуба, при колке дров во время удара по полену не отдает по руке, или, как говорят знающие люди, не сушит руки. Вообще, колка дров – одно из моих любимых занятий, позволяющее практически всем мышцам тела отлично поработать, размяться, да и как-то от этой веселой работы всякий раз поднимается настроение.

Вот и на этот раз, скинув полушубок на скамейку у крыльца и оставшись в свитере, подошел к сложенным возле стены березовым не поколотым поленьям. Беря поочередно по одному кругляку, устанавливая его на большом дубовом пне, стал со спортивным азартом колоть их и складывать рядом в аккуратную стопку.

Довольно быстро возле пня выросла достаточная для одной протопки печи охапка дров, которую и отнес к ней. Открыв чугунную дверцу, по одному полену стал подбрасывать в топку, пока она полностью не заполнялась. И огонь, загоревшись от тлеющих, подернутых пеплом углей, весело потрескивая, заплясал по поленьям.

Довольный собой за сделанное за день, не спеша поужинал жаренной, подрумяненной картошкой и выпил стакан топленного в печи, в старинной глиняной, чудом сохранившейся крынке, молока. Здесь же, за столом, откинувшись на спинку стула, прочитав несколько страниц отложенной утром книги, почувствовал, что глаза неумолимо слипаются, разделся, потушил свет и лег в постель, удобно угнездившись под одеялом, и незаметно провалился в глубокий, без сновидений сон.

Утром проснулся от духоты в хате. От печи все еще струился жар, а это значит, что снаружи мороз не отбирает тепло из дома, что его просто нет, он отступил куда-то на Север. Встав с постели, выглянул в окно и увидел, что синий столбик термометра вместо того, чтобы опуститься, напротив, поднялся к плюсовой отметке, где-то к двум градусам тепла. А с крыши неслышно, неторопливо падает в снег капель, переливаясь разноцветьем в солнечных лучах. Ко всему этому, на кустах калины гранатными зернышками в голубом просторе светились кисти ягод. А вездесущие воробьи весело перелетали с куста на куст, при этом успевая приземлиться на заснеженную тропинку, склевать на ней что-то и вновь быстро вспорхнуть.

Выскочив во двор, быстро потер снегом тело, но умылся в хате. Затем, не спеша позавтракав глазуньей из трех яиц с оранжевыми желтками и золотистыми шкварками, поджаренной на еще не остывшей печной плите, и выпив стакан ароматного чая, подогретого на ней же, вышел на двор подышать свежим воздухом и выполнить по хозяйству кое-какую работу. Тем более что в такой солнечной день было приятно находиться на дворе, а не в духоте дома, понежиться в еле ощутимом солнечном тепле после нескольких хмурых, темных декабрьских недель.

Как-то довольно быстро пролетело несколько часов за разными хлопотами. И ближе к полудню, ощутив, что солнышко перестало нежно ласкать, отставил в сторону лопату, которой

к этому времени расчищал тропинку от сарая к дому. Подняв голову, обратил внимание, что на небе стали то там то здесь появляться облака и солнце за ними постепенно скрылось.

Облокотившись на лопату, я продолжал с интересом наблюдать за происходящим на небе. А там, в поднебесье, начала развиваться какая-то необычная погодная драма. Появившиеся вначале только одиночные облака довольно быстро стали свиваться в суровое серое полотно. Оно, как гигантский театральный занавес, постепенно стало закрывать небо от горизонта до горизонта.

Первыми на эти изменения в погоде отреагировали воробьи. Они моментально с громким чириканьем покинули кусты калины, на которых до этого, перескакивая с ветки на ветку, обретались, и шумной стайкой перелетев с них, забились под крыши строений и затихли, словно совсем исчезли с лица земли.

Затем затих ветер, до этого весело гулявший по двору и саду, оставляя за собой небольшие следы в виде снежных извилистых полос.

В следующем акте небесного спектакля серый, сотканный из облаков занавес стал все более уплотняться, а затем за клубился, превратившись в бушующее штормовое море с облачными белесыми гребнями волн. Из них вначале плавно стали опускаться отдельные снежинки, но это продолжалось, пожалуй, всего несколько мгновений.

Неожиданно раздался вздох и задул сильнейший ветер, словно там, за околицей, какой-то гигантский богатырь, наподобие сказочного Добрыни Никитича, вдохнул, а затем выдохнул во всю мощь свих гигантских легких весь воздух с окрестности деревни.

После этого начался кульминационный акт этого чарующего своей непредсказуемостью и мощью спектакля. Сверху, из небесного шторма, не пошел, а повалил снег. Вроде как там, наверху, языческий бог Перун огромной лопатой сгребал его с облаков, скидывая вниз, на землю. Еще через мгновение снегопад вихрем закрутился, превратившись в белую круговорот, а затем в настоящую русскую, беспощадную ко всему выюгу!

Оставив лопату на месте, где стоял, я перебежал к крыльцу и остановился на нем, восторженно смотря на завораживающее и чем-то пугающее зрелище. Верная подруга зимы Выюга с каждым мгновением все сильнее крутилась, завывая в ветвях кустов калины и ветвях деревьев шипящим, глухим свистом, гася гранатовый блеск ягод снежной пеленой, заклепывая все вокруг шапками снега, укрывая широкими сугробами с острыми застругами землю. Через несколько минут все исчезло в белесой крутящейся пелене, в которой в двух шагах ничего не было видно.

Сквозь гул снежного неистовства донесся еле слышный звон церковного колокола соседнего села. И мне показалось, что я перенесся в ту старинную Русь, когда в такие зимние бури пономари по селам звонили в колокола, указывая несчастным, застигнутым снежным безумием, путь к спасению.

Побесновавшись всю вторую половину дня, выюга ближе к ночи утомилась, снежные заряды стали чередоваться с затишьем, чем сразу воспользовались стайки птиц, до этого разметанные разным укрывным местам постоянными порывами колючего ветра.

Пичуги из своих потаенных мест перелетели вновь к кустам калины, весело зачирикав, прыгая по веткам в лучах появившегося, низко висящего над горизонтом зимнего солнца, блестящего яркими блесками в бесчисленных кристаллах снежных застругов соседнего поля.

На закате солнце склонилось к горизонту, коснулось его края и провалилось в темноту, выпустив на прощание дню яркий вертикальный алый луч, засветившийся в темном небе среди звезд.

Гроза

Шатер из листьев старой яблони плотно укрывал от июльского жара дачную диван-качалку и меня на ней. Но все же кое-где сквозь него пробивались солнечные лучи, отражавшиеся яркими пятнами величиной со старинный пятак и на траве, и на самой качалке, стоящей возле толстого, искривленного почтенным возрастом ствола. На нижней части его, возле самой земли и немного выше ее, зеленел пушистый мох вызывавший ассоциацию с бархатной накидкой на плечах милой старушки.

Вокруг стояла удивительная тишина, нарушаемая на мгновение изредка падающими созревшими яблоками, ударявшимися с тихим стуком о траву. Яблоки больше не могли удерживаться на ветвях из-за того, что их было слишком много.

«Наверное, так же и в большой семье, кому-то раньше времени по разным причинам приходится покидать ее и выходить в самостоятельную жизнь!» – подумалось мне. Очередной беглец из обильного урожая стукнулся о землю. Лежа, я одной рукой, не глядя, пошарил рукой рядом с качалкой, нащупал упавшее яблоко и, подняв, внимательно осмотрел его, нет ли дырочек, прогрызенных червяками, чтобы ненароком не проглотить его.

Яблоко выглядело созревшим и смотрелось весьма соблазнительно! Один бок его был алым, а вторая половина отливала янтарным сочным цветом! Не удержавшись, надкусил яблоко, и сразу во рту разлился медовый аромат. Оно буквально растаяло, оставив от себя лишь середину с несколькими коричневыми зернышками. Изловчившись, лежа бросил в кусты сирени то, что осталось от наливного.

Но затем не поленился и поднялся. Сел, отложив в сторону книгу «На Западном фронте без перемен», которую читал в очередной раз. Этот роман Ремарка, как и нескольких других произведений, таких как «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Фиеста» Хемингуэя, «Мертвые души» Гоголя, в зависимости от настроения перечитывал по нескольку раз.

Вот и сегодня этот роман заставлял переживать вместе с героями все тяготы кровопролитной мясорубки под названием «война». Воспринять и полностью понять настоящую мужскую дружбу, ту, что позволяет выжить на переднем крае в окопах. Сопереживать вместе с героями трагедию потери в боях товарищей, в силу своего юного возраста так и не попавших во взрослую жизнь.

Поднявшись, неспешно подошел к стоящему рядом столику с самоваром, он был родом не из купеческой плеяды, без всяческих наградных медалей со всевозможных выставок. Самовар, можно сказать, являлся солдатом, он был немного помят, словно боец, побывавший в огненной переделке, и ко всему прочему произведен, как гласила выбитая на нем надпись, на Тульском патронном заводе в 1938 году, то есть в армейской среде. Год выпуска самовара всегда меня немного напрягал. Это был так называемый год «Большого процесса», когда усасть вождем расстрелял тех, кто был слишком близок к «Прометею революции» и хорошо знал о мизерной роли вождя в октябрьском перевороте и гражданской войне. В это же время в подвалах Лубянки был замучен энкаведешниками маршал, награжденный всевозможными орденами за одержанные победы во многих боях – Василий Блюхер, за год до этого принимавший активное участие в судилище над маршалом Тухачевским и приговоривший того к расстрелу. Меня в связи с этим всегда занимало, почему все эти военачальники, прошедшие фронты первой мировой и кровопролитной гражданской войн, имея в подчинении армии, оговаривали себя и уничтожали друг друга. «Они что, ненавидели друг друга? – задавал я себе вопрос. – Или каждый маршал боролся в одиночку за место под солнцем, то есть быть обласканным до поры до времени вождем? Взяли в одночасье, как декабристы, да вывели бы маршалы свои войска на Красную площадь и далее в Кремль. Да смели бы мигом «чудесного грузина», как его

называл «Прометей революции»! Почему этого они не сделали? Не спасли и себя, и Россию от многих катастрофических несчастий?» – спросил в очередной раз я себя и в первый – самовар.

Но ответа от него, конечно, не получил. Из него шел пар, и он тихо, как сытый кот, урчал, а это означало, что он уже вовсю кипел. Я взял с полочки столика чашку, которой очень дорожу, так как того, кто мне ее подарил, к сожалению, уже нет в живых. Друг погиб, как главный герой романа Пауль Боймер, но не в окопе, не в небе, где испытывал новейшие самолеты, а на койке в больничной палате.

Так вот, на чашке красивым шрифтом написано: «Аеро Club». Друг, преподнося ее мне, сказал: «Это тебе как в память о нашем аэроклубе, о тех наших незабываемых юношеских годах, когда мы учились летать на планере, самолете, прыгали с парашютом, с азартом покоряли небо!»

Поднеся чашку к крану самовара, повернул его «ветку», и в чашку сразу стремительной горячей струей полился крутой кипяток. Наполнив ее почти до краев, долил из маленького чайника, стоявшего на фигурной «конфорке» самовара и все это время подогревавшегося, заварки. Затем бросил в чашку несколько листков мяты и, осторожно ступая, чтобы не расплескать налитое, вернулся к качалке, аккуратно сел, прислонившись к ее спинке, и сделал первый глоток, можно прямо сказать, ароматного, божественного чая.

Пригубив немного, посмотрел на небо. В прозрачной голубизне невысоко в восходящем потоке изящно парили друг напротив друга два коршуна. Видно было даже, как у них шевелились перья на концах крыльев, когда птицы, управляя своим полетом, входили в вираж, чтобы остаться в «восходящем», и теплый поток уносил этих прирожденных летунов все выше от земли.

Отпивая чай, все же не переставал следить за птицами, постепенно превратившимися в две черные точки. Но самое интересное, что коршуны кружились там, в поднебесье, над тем же местом, где начался их парящий полет. А это означало, что в воздухе на всех высотах был абсолютный штиль. «Да, – подумал я, – весьма редкое явление в природе наблюдаю, когда нет ветра по высотам».

Но в этот момент по июльской жаркой тишине вначале повеяло еле уловимое ласковое дуновение зарождающегося ветра, словно легкий поцелуй той единственной, без которой не можешь жить! На это дуновение первыми отреагировали листья на макушке высокого серебристого тополя, росшего возле дома. Они, затрепетав, нарушили всеобщий умиротворенный покой томного солнечного полдня. По мере взросления Эола вслед за тополями дружно зашелестели листья, а затем стали гнуться тонкие ветки груши и яблонь.

Продолжая пить чай, не переставал наблюдать за небом. Паривших коршунов куда-то вообще унесло этим поднявшимся ветром. На нем как-то сразу появились вначале одинокие, похожие на слегка растрепанные гусиные перья облака, затем неожиданно быстро полетевшие к южному горизонту, волоча за собой неизвестно откуда появившуюся клубящуюся серую плотную пелену, которая постепенно затягивала, как мрачным занавесом, голубой простор, превращаясь в мощные грозовые тучи. Затем из них, еле слышно среди шума листвы, начали раздаваться все нарастающие глухие, ворчащие гулкие раскаты грома! Голос бога Перуна с каждым мгновением становился все громче и раскатистей, и настойчивей приближалась гроза!

Она быстро накатывалась на сад, был уже виден мощно крутящийся предгрозовый вал. Быстро встав, подхватил самовар и отнес его в рядом стоящий чайный домик, взяв там легкое кресло, сел в него и стал дальше любоваться неисчерпаемой завораживающей мощью природы.

А на небе тем временем среди сверкающих в сгустившейся темноте молний лишь одна вершина грозовой тучи еще светила в лучах солнца, но и она скоро исчезла в клубящейся мгле. Удары грома становились все мощнее, и они из гулких, раскатистых, превратились в резкие удары, словно артиллерийские выстрелы из мифической царь-пушки бога Перуна!

После очередного разряда молнии и последовавшего за ним самого мощного раската не истаивавший до этого ветер как по команде стих и полился с сильным шумом сплошной поток воды, как в народе говорят: «Разверзлись небеса». Но эта «Ниагара» продолжалась всего каких-то пять минут. Дождь прекратился, тучи неожиданно рассеялись, и вновь в голубом небе появилось солнце, отражаясь в миллионах капелек, оставшихся после дождя на листьях и траве, а через небосклон перекинулась необычно цветастая радуга.

По мокрой траве добежал до старой яблони, по толстым раскидистым ветвям забрался повыше на развилку, с которой всегда видно далеко вокруг, и замер от восторга! Радуга, впечатавшись в голубой простор, перекинулась с высокого берега реки через нее, отражаясь в воде. Вторым своим ярким концом радуга как бы прижала горизонт, чтобы он хоть на миг не убегал от тебя!

Запах сушеных грибов

Посвящаю моей маме Зинаиде Васильевне.

За окном темнело, метель после мутного красного заката все с большей яростью стала набирать силу. Вихри снежной поземки, несшиеся холодными белесыми языками по полю, стали залетать в сад, и скоро он скрылся в круговерти вьюги. Только сиротливая ветка яблони росшей рядом с домом, раскачивалась под порывами ветра. Она, словно пытаясь вырваться из этого снежного безумия, тихо стучала по оконному стеклу. Как выбившийся из сил путник, милосердно просящий в злое ненастье о приюте.

Сидя на низенькой скамейке возле открытой печной топки, Валентин Иванович дремал под доносящуюся в дом неумолкаемую дикую песнь вьюги. Через чуть прикрытые дремой веки посматривал на горящие и потрескивающие дрова, от которых исходил березовый душистый жар. Исподволь к этому тонкому запаху стал примешиваться сказочный аромат сушеных грибов.

Этот ни с чем не сравнимый аромат унес его в далекое, увы, уже еле различимое за туманной завесой времени детство. В такие же тягучие снежные вечера, когда за морозными серебряными узорами окон наступали синие сумерки. И низкое зимнее небо совершенно опускалось на землю, придавливая снега сизыми облаками. Мама изредка готовила картофельные котлеты.

Отец зажигал висевшую под потолком керосиновую лампу, в которой на фитиле начинала весело порхать золотистая огненная бабочка, и комната от этих причудливых теней на стенах становилась таинственной. Мама начинала колдовать у раскаленной до вишневого цвета печной плиты.

Вначале она делала картофельное пюре, а уж из него лепила котлетки и жарила их на толстенной чугунной сковороде. Котлеты в кипящем масле становились золотистыми с тонкой золотистой хрустящей корочкой.

Затем она готовила к ним густую, коричневую, ни с чем не сравнимую по вкусооте подливку из сушеных грибов, перед этим достав из старинного дубового буфета белый заветный холстяной мешочек, от которого шел тот незабываемый, чудный, тонкий аромат присущий только грибному лесу.

Очарование лесными просторами запало в душу Валентину Ивановичу также в детстве и, как ни странно, в центре шумной Москвы.

Мама довольно часто ездила к дальним родственникам в столицу в гости и заодно за продуктами и часто брала его с собой.

Это были замечательные поездки. Все начиналось с суматохи в доме во время сборов. С постоянной боязнью взрослых: «Как бы не опоздать на поезд! И не забыть билеты!» Бабушка скороговоркой, как бы убыстряя отъезд, причитала: «Давайте езжайте! Мало ли что случится с «транваем», вдруг с рельсов сойдет!» И поэтому все отправлялись к поезду загодя, почти за два часа.

Но переполненный и скрежещущий на поворотах трамвай всего в полчаса исправно довозил их до железнодорожного вокзала, где начиналась еще более интересная, непередаваемая суматоха.

В огромном здании вокзала толкалось множество народа с узлами, перевязанными веревками чемоданами, снующими по зданию ребятами.

От этого людского муравейника под высоченным потолком стоял густой гул, который периодически перекрывал металлический голос, неразборчиво скороговоркой говоривший что-то, – и все сразу замолкали, настороженно вслушиваясь, задрав головы, словно пытаясь там, под потолком, увидеть того, кто там бубнил не своим, а железным голосом.

Не менее интересная суэта продолжалась после посадки в вагон. С устройством на «своих местах», с беспокойством о каких-то «двойных билетах», знакомством с соседями.

В конце-то концов, после нудного ожидания и протяжного гудка паровоза, вагон с железным лязгом дергался, и город с его улицами, домами под стук колес на стыках рельс медленно проплывал перед глазами, а затем и вовсе исчезал. За окном начинали мелькать поля, рощи, деревни, а на отвалах насыпи – одна за другой надписи: «Слава Сталину».

Народ в вагоне через некоторое время успокаивался, и наступало время вечернего чаепития.

Высокий проводник в черной форме с погонами надевал белую курточку и разносил чай в мельхиоровых подстаканниках. Маленький Валя, исподтишка смотря на него, боялся, что тот обнесет его и он один останется без чая. Но проводник, наклонившись к нему, спрашивал: «А Вам, молодой человек, наверное, с лимоном и двойной порцией сахара»? Валя робел от внимания к себе самого главного в вагоне и только молча кивал ему головой, боясь произнести хоть слово. Но когда тот ставил перед ним стакан и ложечка в нем призывно начинала звенеть: «Давай пей!», Валя, все же переборов стеснение, тихо произносил: «Спасибо!» Проводник на это, улыбаясь, произносил: «На здоровье, молодой человек!» И Валя начинал, прихлебывая, пить чай, который казался ему в тысячу раз вкуснее, чем дома.

Полный впечатлений от всех этих событий, он, лежа с открытыми глазами на нижней полке, куда его заботливо укладывала мама, вслушивался в ритмичную песнь колес. Они, как ему казалось, перестукивая, как бы приговаривали: «Вперед, вперед!», и эта несмолкаемая дробь убаюкивала, и его постепенно охватывал сон.

Рано утром в полудреме, еще не полностью проснувшись от громкого голоса проводника объявлявшего: «Граждане, вставайте. Скоро прибываем в столицу нашей Родины!», Валя не сразу мог сообразить от этого возгласа, где он находится. А потом, полностью проснувшись и сбегав в туалет умыться, быстро перекусив, протискивался к окну, чтобы посмотреть, как вагон медленно подъезжает к перрону, на котором толпился народ, встречающий поезд.

В Москве Валу поражало все: многоэтажные дома, и конечно, метро. Особенно ему нравились движущиеся вниз и вверх лестницы, по которым не надо было шагать, а нужно просто, держась за черный резиновый скользящий поручень, стоять и ждать, когда эта лестница сама привезет тебя к перрону или выходу из метро. Занимали его и выскакивающие из темного туннеля вагоны с самозакрывающимися дверьми, уносящие тебя в темноту и выскакивающие на ярко освещенные красивые станции.

Удивляли его бесконечные толпы народа, на улицах и в метро в спешке снующие навстречу друг другу! Вереницы сигнализирующих автомобилей и, что удивительно, – полное отсутствие лошадей с телегами на улицах!

В старинном городе, где они жили, все было наоборот. Дома стояли в патриархальной тишине, утопая в зелени высоких лип и тополей. Были они приземистыми, как правило, одноэтажными, деревянными с резными наличниками, ставнями на окнах и скамейками под ними.

В одну из таких поездок в столицу мама повела маленького Валу, как она сказала, «в Третьяковку». Посредине светлого большого зала – картина с изображением бескрайнего, уходящего до самого горизонта леса и далекого, затерявшегося среди этого невообразимого лесного простора и таинственно отливающего серебром озера, с парящей в высоком полуденном небе и манящей за собой в эту прекрасную даль птицей.

Поражающая великолепием картина колдовски заставляла учащенно биться детское сердце Вали, вызывая непреодолимое, щемящее душу желание: очутиться среди этого великолепия и брести, не останавливаясь, в этой сказочной дали за неведомым счастьем.

Будучи уже взрослым и не единожды посещая Третьяковскую галерею и наслаждаясь «Лесными далями» Шишкина, Валентин Иванович испытывал то же самое чувство из далекого детства: очарование лесом и манящими в неизвестность таинственными далями.

Со временем добавилось новое ощущение: когда он наслаждался этим шедевром, ему порой казалось, что рама исчезла и он стоит не перед картиной, а на опушке этого леса и вокруг него веет еле уловимый аромат хвои и тончайший грибной запах. Верный признак обильного урожая этих таинственных созданий природы.

Надо отметить, что такое в отдельные годы случались, когда грибное чудо совершилось. Особенно запомнилось Валентину Ивановичу одно лето. Оно было нежарким, с частыми, удивительными по своей красоте теплыми «слепыми» дождями. Когда из почти чистого неба, прикрытого лишь тончайшими светящимися облаками, лились поющие и сверкающие в солнечных лучах теплые хрустальные струи.

Они-то, эти волшебные дожди, и дали такое невиданное изобилие разнообразных грибов, но особенно много было белых, и появились они рано, как только в полях выкинула колос пшеница.

Обойдя в то лето с друзьями вдоль и поперек ближайший к деревне лес и, как казалось Валентину Ивановичу, собрав там все грибы, он с друзьями стал ездить за ними в более далекие, ставшие глухими места. В тех краях уже не осталось деревень, только изредка среди островов крапивы и бурьяна встречались заброшенные сельские кладбища с осыпавшимися могильными холмиками да упавшими на них полусгнившими крестами.

Некогда колосившиеся и волновавшиеся под дуновением ветра, словно золотое море, поля пшеницы и ржи заросли самосевным березняком и превратились в молодые леса. В этом молоднике среди густо росших молодых березок почти невозможно было пробираться. Упругие ветки, словно руки лешего, цеплялись за одежду, не пуская в свои владения, и было почему.

В этих зарослях на каждом шагу, под любым тонким деревцем росли подберезовики. Вначале народ хватал все подряд, включая переросшие мягкие грибы с большой опущенной шляпкой, которые невозможно было довести к вечеру до дома. Но, сбив «охоту», стали собирать только маленьких упругих крепышей с бело-серой ножкой и приросшей к ней коричневой небольшой шляпкой, наши деревенские старики называли их «челыши».

Иногда среди берез неожиданно появлялись небольшие куртины молодых осин. Сердце у Валентина Ивановича сладко замирало, когда под ними в траве вдруг неожиданно загоралась красная шляпка подосиновика. Этих замечательных по красоте грибов, к сожалению, встречалось не так много. И поэтому находка подосиновика становилась вдвойне приятной, к тому же все они были один в один: небольшими, плотными, приятными на ощупь и абсолютно не червивыми.

После небольшого перекуса на полянке и обсуждений на тему: «Пора идти за белыми!», решено было переехать чуть дальше в старый лес, который, собственно, и дал жизнь этому богатому на грибы березовому молодняку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.